

Новое о С. В. Рахманинове в Санкт-Петербурге

(к 135-летию со дня рождения композитора)

В сентябре 2007 года в Санкт-Петербургской консерватории в связи с ее 145-летием были установлены новые мраморные доски с именами знаменитых учеников и педагогов. Среди них появилось и имя Сергея Васильевича Рахманинова¹. Обучение Рахманинова в Петербургской консерватории — малоизвестная страница биографии композитора. Несмотря на значительный исследовательский интерес к его имени, многое остается неизученным. Не все документы обнаружены, не все в биографии композитора известно, не все события откомментированы. Подтверждением тому явились архивные разыскания в различных фондах Санкт-Петербурга. Многие выявленные материалы — это свидетельства о новых фактах жизни и творчества композитора, а также новых лицах в его окружении.

Документы С. В. Рахманинова не случайно остались в Петербурге. Северная столица сыграла в его судьбе большую роль. Здесь композитор три года провел в своем первом учебном заведении — Петербургской консерватории. В этом городе состоялись премьеры ряда его произведений. В период с 1903 по 1917 годы, Рахманинов часто выступал в «Концертах Зилоти» в качестве пианиста и дирижера. В Петербурге располагалась Главная дирекция Императорского русского музыкального общества (далее — ИРМО), куда Рахманинов приезжал на заседания, исполняя обязанности помощника Председателя по музыкальной части ИРМО. Многие петербургские адреса связаны с именем композитора: здесь жили родственники Рахманинова и близкие ему люди, с которыми он поддерживал переписку. Наконец, именно из Петербурга 23 декабря 1917 года

с Финляндского вокзала композитор с семьей уехал из России [12, 414]. Но «петербургские» документы отражают события жизни Рахманинова, связанные не только с этим городом. Их географические и хронологические рамки намного шире. Они охватывают период с 1882 по 1942 годы, а их география — Санкт-Петербург, Москву, Ивановку, Париж и Нью-Йорк.

Неизвестные ранее и неопубликованные автографы Рахманинова обнаружены в Оркестровой библиотеке Санкт-Петербургской филармонии, Российском институте истории искусств, Российской национальной библиотеке, Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства, Научной музыкальной библиотеке Санкт-Петербургской консерватории; Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Сергей Рахманинов — ученик Петербургской консерватории

Рахманинов учился в Петербургской консерватории с 1882 по 1885 годы (с 9 до 12 лет). Этот период до сих пор остается малоизученным. Три года, проведенные в консерватории, — это довольно длительный временной отрезок. Но узнать круг общения Рахманинова, его музыкальные пристрастия, учебный репертуар, который он исполнял на концертах, почти нет возможности. Главный вопрос — почему такой талантливый и способный ученик не был замечен — до сих пор остается без ответа. В то время в Петербургской консерватории преподавали Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Лядов, Ю. И. Иогансен, Л. А. Саккетти, А. И. Рубец, А. А. Герке, Н. А. Дубасов, Г. Г. Кросс;

директором консерватории был К. Ю. Давыдов². Сам Рахманинов не оставил никаких высказываний по этому поводу. Нам же остается только догадываться и предполагать, что явилось тому причиной.

В настоящее время удалось найти ряд неизвестных архивных документов, в которых есть сведения об этом периоде жизни композитора. Все личные дела учащихся Петербургской консерватории до 1917 года хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). «Личное дело ученика С. В. Рахманинова» имеет номер 3364. Оно содержит свидетельство личности Любови Петровны Рахма-

ниновой и прошение Василия Аркадьевича Рахманинова о зачислении сына в консерваторию. В правом верхнем углу прошения — резолюция ответственного лица: «Записать беспл[атным] учеником в кл[асс] 5 Демьянского, с платою за научные классы по 50 р[ублей] за учебный год. 16 сен[ября]. [18]82»³. Подпись неразборчива, но более всего походит на почерк профессора композиции, теории, гармонии и контрапункта Ю. И. Иогансена, который в то время исполнял обязанности директора консерватории⁴. Слева имеется еще одна запись, свидетельствующая об уходе Сергея из консерватории — расписка Л. П. Рахманиновой: «Метрику⁵ обратно получила.

¹ Отмечу, что в качестве специальности Рахманинова указана «композиция». На самом деле он обучался по специальности «фортепиано» (об этом см. далее).

² К. Ю. Давыдов являлся директором консерватории с 1876 по 1887 годы.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 361. Оп. 1. Д. 3364. Л. 1. Зачисление подтверждается и отчетом ИРМО Санкт-Петербургского отделения за 1882/1883 учебный год [8, 100].

⁴ С 28 мая 1882 года по 1 июня 1883 года К. Ю. Давыдов был уволен с поста директора Петербургской консерватории в годичный отпуск [8, 47]. В это время обязанности директора консерватории исполнял Ю. И. Иогансен.

⁵ Свидетельство о рождении.

14 августа 1885 года. Рахманинова»⁶. Но для того чтобы забрать документы сына необходимо было удостоверение личности, так как прошение о зачислении подавал отец, а не мать. Этим и объясняется наличие данного документа в деле Рахманинова.

Материалы о педагогах консерватории также находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Среди них есть сведения о преподавателе Рахманинова по классу специального фортепиано Владимире Васильевиче Демянском⁷. Как свидетельствуют эти документы, он начал преподавать 1 сентября 1879 года⁸, после окончания консерватории в 1878 году с малой серебряной медалью. Свой педагогический опыт он изложил в учебниках «О первоначальном преподавании игры на фортепиано» (1896) и «Опыт методики фортепианной игры» (1906). Облик первого педагога Рахманинова можно представить по воспоминаниям С. М. Майкапара, ученика Демянского с 1885 года: «Как преподаватель Демянский отличался прежде всего чрезвычайной добросовестностью в своей работе с учениками. Он обладал хорошими знаниями и большим уже тогда педагогическим опытом. Будучи учеником известного пианиста Густава Кросса, а также знаменитого пианиста Луи Брассена, Демянский сам обладал хорошей техникой. Отличительной чертой его были необыкновенное трудолюбие и большая организованность в работе» [7, 44]. Но эти же качества иногда оборачивались против него. Уделяя огромную часть времени и сил малоодаренным ученикам, с которыми, вместо полагавшихся 20 минут, нередко просиживал по часу и дольше, он не успевал заниматься со способными детьми и давал лишь указания на словах, что и как надо приготовить к следующему уроку. «Ну, вы-то, ведь, сможете и сами хорошо справиться с этой работой», — прибавлял он при этом [7, 42]. Это, в конечном счете, привело к тому, что Рахманинов перестал ходить на его занятия.

Тем не менее, обучение Рахманинова в классе фортепиано было небезуспешным. Об этом свидетельствуют оценки, выставленные членами экзаменационной комиссии за его выступления на публичных экзаменах, которые проводились по окончании каждого учебного курса. На них могли присутствовать депутаты от правительства, почетные и действительные члены ИРМО, а также родители учеников и посторонние лица. Эти оценки указаны в так называемых «Списках членов экзаменационной комиссии (предметы специальные)» за 1883–1885 годы. На публичном экзамене, состоявшемся 5 мая 1883 года, почти все преподаватели поставили Рахманинову 4^{1/2} балла. Исполнение пьесы в следующем году, 4 мая 1884 года, комиссия также единодушно оценила в 4^{1/2} балла⁹. 30 апреля 1885 года Рахманинов улучшил свои результаты. Старшие преподаватели А. В. Рейхардт и В. П. Толстов поставили ему 4^{1/2} балла, а остальные члены комиссии (В. В. Виссендорф, Н. А. Дубасов) — 5 баллов. В таблице старшего преподавателя Н. Б. Панш в графе «Годичная отметка учащегося» — 5 баллов. Таким образом, виден хоть малый, но заметный рост профессионального мастерства ученика Рахманинова.

К сожалению, неизвестно, что исполнял Рахманинов на этих экзаменах. Видимо, это были произведения близкие к тому, что он играл на учебных концертах. В отчетах ИРМО сохранились программы выступлений, в которых участвовал Рахманинов. На состязательном музыкальном вечере учащихся низших курсов, состоявшемся в понедельник 30 января 1884 года, ученик Рахманинов исполнил «Sonatine Беренса» [9, 146], 16 октября — «Variations Sol-maj Бетховена» [10, 113], 5 и 19 февраля 1885 года — «Этюд Багге, Invention à 2 voix E-dur Баха и Rondo Моцарта» [10, 145, 150].

С теоретическими дисциплинами дело обстояло иначе. Педаго-

гом Рахманинова по сольфеджио и элементарной теории был А. И. Рубец¹⁰, личность весьма незаурядная. В литературе указывается, что он сразу отметил у Сергея прекрасную память и абсолютный слух и отвел в класс гармонии Л. А. Саккетти [3, 17]. Тот занимался с учениками не по учебникам, а читал свои собственные лекции, которые необходимо было записывать. Конечно, девятилетний мальчик не умел этого делать и поэтому вскоре вынужден был вернуться в класс сольфеджио и теории. В дальнейшем, он перестал посещать и эти занятия, и как следствие, не явился на экзамен.

Отсутствие Рахманинова подтверждается документом из архивного фонда¹¹. 27 апреля 1885 года у старшего преподавателя А. К. Лядова состоялся экзамен по сольфеджио и элементарной теории. В список учащихся обязательного класса входил и С. Рахманинов. Отмечу, что до настоящего времени этот факт, объединяющий двух великих композиторов, не был известен. В изданиях упоминается лишь единственная их встреча. А. Дж. и Е. Сваны в своих воспоминаниях передают слова Рахманинова: «...однажды Беляев пригласил меня к себе, и меня попросили играть. Я только что написал Фантазию для двух роялей (ор. 5). За второй рояль посадили Феликса (Блуменфельда). Только он один умел так превосходно читать с листа. Я играл партию первого фортепиано наизусть. Все были там — Лядов, Римский-Корсаков — и слушали очень внимательно; мне казалось, что им нравилось» [15, 201–202]. Эта встреча, скорее всего, состоялась в начале 1895 года. Теперь же стало известно, что А. К. Лядов познакомился с будущим великим композитором и пианистом, когда тот только начал профессиональное обучение.

Членами экзаменационной комиссии в 1885 году были Ю. И. Иогансен, А. Р. Бернгард, Л. А. Саккетти, Г. А. Маренич, А. И. Рубец и Н. А. Римский-Кор-

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 3364. Л. 1.

⁷ Владимир Васильевич Демянский (1846–1916) с 1879 по 1909 годы преподавал в Петербургской консерватории игру на фортепиано и камерный ансамбль.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 270 а. Л. 5.

⁹ Там же. Оп. 8. Д. 57. Л. 106–115. В этих «Списках» можно найти и значение баллов: 4^{1/2} означает весьма хорошо (sehr gut, très bien), а 5 означает отлично (ausgezeichnet, excellent).

¹⁰ А. И. Рубец находился в хороших отношениях с П. И. Чайковским, который позднее, уже в Москве, поддерживал композиторский талант молодого Рахманинова.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 8. Д. 61. Л. 132–142.

саков. В их табелях напротив фамилии «Рахманинов» не выставлен балл, что означает неявку ученика на экзамен. Это обстоятельство и еще плохие оценки по научным классам привели к отчислению Рахманинова из консерватории, однако документы, подтверждающие этот факт, в настоящее время неизвестны. Возможно, в дальнейшем удастся обнаружить материалы, полнее раскрывающие все его причины.

Нельзя утверждать, будто Рахманинов ничего не вынес для себя из стен Петербургской консерватории. Культурная и музыкальная жизнь столицы, хотя бы косвенно, не могла не отразиться на впечатлительном мальчике. С. М. Слонимский указывает, что А. Г. Рубинштейн, как основатель Петербургской консерватории «явился и реальным осно-

воположником музыкального стиля московской композиторской школы от Чайковского (своего прямого ученика) до Рахманинова» [19, 8]. С другой стороны, в его творчестве можно обнаружить «аллюзии с Балакиревской петербургской школой». «Рахманинов творчески впитывал все эмоционально горячее и яркое <...>. Романс Балакирева “Обойми, поцелуй” превосходит некоторые характерные гармонические и мелодические обороты Рахманинова» [19, 9].

Рахманинов-ученик имел возможность общаться с талантливыми педагогами. Посещая консерваторию, он мог встречаться с Н. А. Римским-Корсаковым и К. Ю. Давыдовым, слышать их музыку в концертах. В его учебный репертуар, наряду с произведениями других авторов, входили сочинения Баха,

Моцарта, Бетховена. Конечно, Рахманинов не выдвинулся в ряд блистательных учеников, но уровень его знаний не мог не вырасти. Ведь в том же 1885 году Сергея слушал двоюродный брат, знаменитый пианист, Александр Ильич Зилоти, чье решение о переводе Сергея в Москву стало судьбоносным. Если бы обучение Рахманинова было настолько безуспешным, как часто указывают, вряд ли он смог бы произвести впечатление на ученика Н. Г. Рубинштейна и Ф. Листа. Петербургская консерватория была основой дальнейшего творческого, профессионального роста композитора. Первая русская консерватория может гордиться тем, что три года в ее стенах провел будущий великий композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов.

Кантата «Весна». Неизвестная редакция

Среди произведений Рахманинова начала 1900-х годов кантата «Весна» (ор. 20) занимает особое место. Это первое обращение композитора к вокально-симфоническому жанру. Многие музыкальные приемы, найденные им в этом произведении, получили свое развитие в будущих сочинениях (см.: [16]). Кантата написана в феврале 1902 года на текст стихотворения Н. А. Некрасова «Зеленый шум» и посвящена близкому другу С. В. Рахманинова, профессору Московской консерватории Н. С. Морозову. Впервые она прозвучала 11 марта 1902 года в девятом симфоническом собрании Московского филармонического общества при участии любительского хора (партия баритона — А. В. Смирнов, дирижер — А. И. Зилоти). Партитура и клавиры были опубликованы фирмой А. Гутхейля в 1902 году.

Петербургская премьера состоялась спустя три года, 8 января 1905 года, в шестом абонементном «Концерте А. Зилоти». Но мысли об ее исполнении пришли к Зилоти много раньше. 28 декабря 1903 года он написал Ф. И. Шаляпину: «Милый мой, дорогой Федя! <...> Насколько помнится мне, ты имеешь право давать два концерта в Пите-

ре; так вот — не пожелаешь ли дать свое “благословение” моим концертам и спеть у меня в будущем ноябре соло в кантате “Весна” Рахманинова и что-нибудь (один номер) с оркестром?» [21, 582]. Концерт, в котором в полном составе участвовал хор Мариинского театра прошел в зале Дворянского собрания. Сохранились интересные высказывания в печати и в частных письмах по поводу этой премьеры. Так корреспондент «Русской музыкальной газеты» отметил: «Сложность многоголосия, разумеется, отражается на ясности и доступности музыки; более того, ею затуманивается ясность вокальной партии (чего не могла побороть даже шаляпинская дикция), и тем не менее вся эта живая игра переливов оставляет обаятельное впечатление» [22, 89]. Жена А. И. Зилоти, Вера Павловна, писала своей сестре 21 января 1905 года о концерте 8-го: «Это было в минуту начала беспорядков, во дворе уже были войска на “случай”, но потом угнали их, говоря, что “публика, как и всегда у Зилоти, чинная, бояться нечего”. <...> Бах был страшно интересен. Кантата Чайковского — гадость, скука; Рахманинов — великолепен; конечно, Шаляпин ничего не знал; накануне учил у нас всего несколько часов»¹².

В оркестровой библиотеке Санкт-Петербургской филармонии имени Д. Д. Шостаковича сохранились оркестровые голоса и партитура кантаты — издательство А. Гутхейль, 1902 (фото 1)¹³. В цифре 19 партитуры удалось обнаружить авторские пометы, свидетельствующие о новой работе композитора над сочинением. Отмечу, что ни в его письмах, ни в воспоминаниях современников и потомков,

Фото 1. С. В. Рахманинов. Кантата «Весна». Титульный лист партитуры

¹² В. П. Зилоти — А. П. Третьяковой-Боткиной [1, 372].

¹³ Оркестровая библиотека Санкт-Петербургской филармонии имени Д. Д. Шостаковича (ОБ СПбФ). Инв. № 3742 (номер общий для партитуры и голосов). В настоящее время существует лишь еще одно издание: Москва, 1964 год, полностью основанное на предыдущей публикации.

ни в новейших изданиях нет указаний на эти исправления, из-за чего они оставались вне поля зрения исследователей.

Все записи сделаны черными чернилами. Партия деревянных духовых инструментов заклеена полосой бумаги (с. 64 — 242/60; с. 65 — 247/71; с. 66 — 235/79), на которой синими чернилами разлинованы ноты (фото 2). На странице 64 первые четыре такта партии валторн зачеркнуты, партии скрипок и альтов также зачеркнуты, и их новый вариант выписан без ключа и знаков на нотных станах ударных — треугольника, тарелок, большого барабана и там-тама (фото 2). Добавлена мелодическая линия, порученная басовому тромбону и тубе (в октавном движении) (фото 3). В последних трех тактах цифры 19 (страницы 67–68) зачеркнута партия флейт и сверху написан новый вариант (фото 4).

Проанализировав эти изменения, можно прийти к следующим выводам. Нотный текст, который раньше играли скрипки и альты, Рахманинов без изменений отдал деревянным духовым. Музыкальный материал партии струнных выписан заново, но фактурный тип изложения дублирует зачеркнутый вариант валторн. Дополнение мелодической линии басового тромбона и тубы, видимо, было связано с желанием усилить басовый голос, так как в общей массе звучания его не доставало. Можно утверждать, что в Петербурге звучал именно этот вариант «Весны». Об этом свидетельствуют некоторые оркестровые голоса инструментов¹⁴. Среди различных комплектов партий удалось найти фрагменты, подтверждающие это предположение. Следы клея, зачеркивания, знаки перехода говорят о том, что ранее здесь был другой нотный текст (фото 5).

Сравнивая оба варианта окончания кантаты, можно прийти к выводу об их художественной равноценности, а значит и возможности включения в исполнительскую и издательскую практику. Подобные находки дают повод к продолжению выявления неизвестных редакций произведений, которые, несомненно, необходимо включить в новое научное издание полного собрания сочинений композитора с подробными музыкально-текстологическими и историческими комментариями.

С. В. Рахманинов. Кантата «Весна»

Фото 2. Цифра 19 (с. 64): новый вариант партии деревянных духовых, зачеркнутые такты партии валторн. Партия скрипок и альтов выписана на нотных станах треугольника, тарелок, большого барабана и там-тама

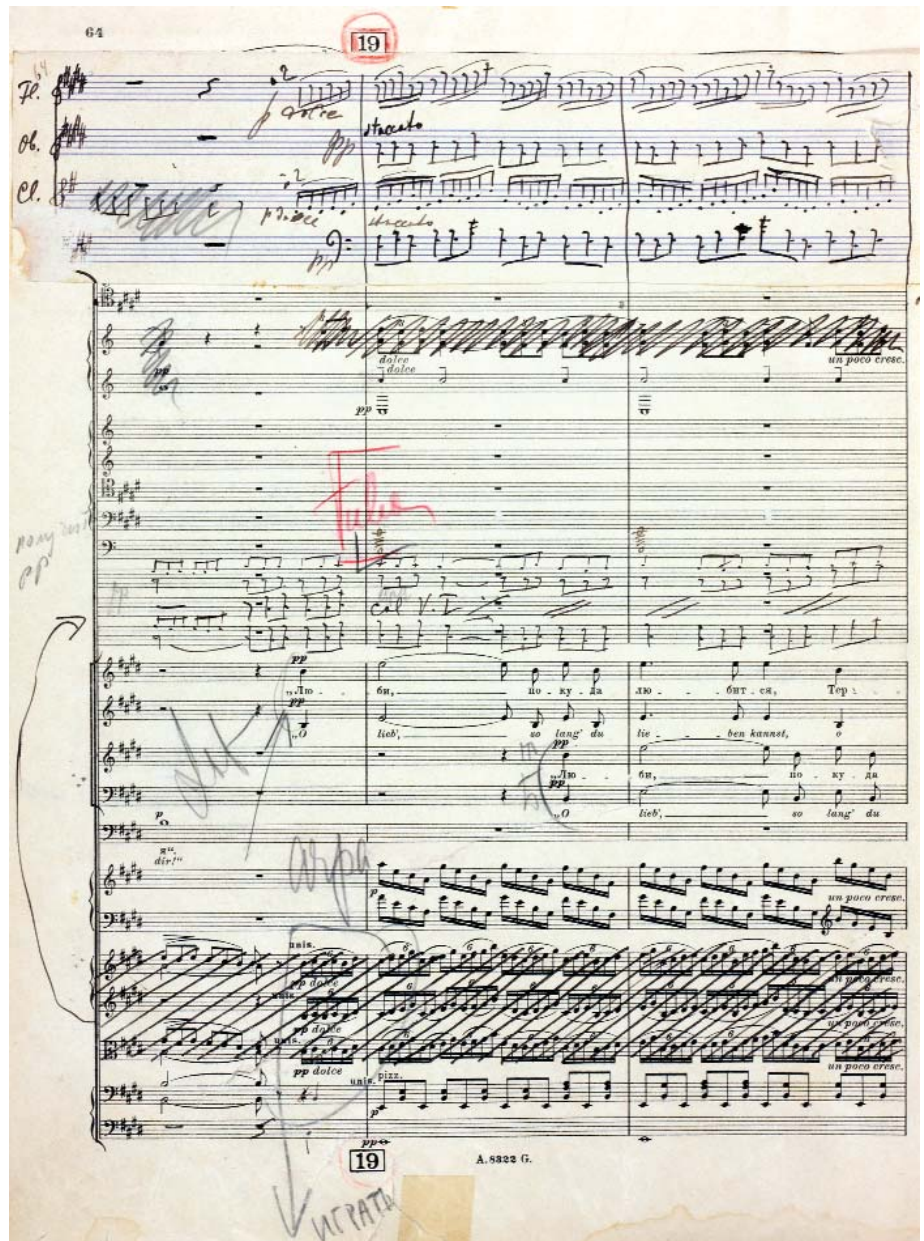

Фото 3. Партия тромбона и тубы (с. 66)

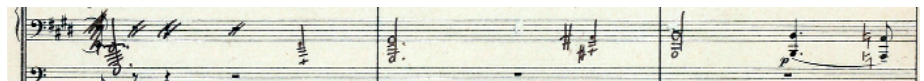

Фото 4. Новый вариант партии флейт (с. 67)

Фото 5. Партия вторых скрипок

¹⁴ Оркестровые голоса как источник изучения текстов сравнительно недавно стали входить в поле зрения исследователей. См., например: [5; 6].

Неизвестный портрет Рахманинова

Неизвестный портрет композитора выявлен в Российской национальной библиотеке. Он происходит из собрания Платона Львовича Вакселя, в составе которого находятся также музыкальные автографы, письма, изобразительные материалы, в том числе Баха, Бетховена, Глюка, Моцарта, Глинки, Чайковского, Мусоргского и других композиторов. В настоящее время документы коллекции Вакселя распределены по разным отделам библиотеки.

Портрет С. В. Рахманинова работы Вильгельма Штрассера (фото 6)¹⁵ хранится в Отделе эстампов РНБ. Погрудный портрет композитора (анфас) выполнен в технике офорта (вокруг изображения — характерная выемка, т. н. обжим доски), отпечаток коричневого. Основой является фотография композитора начала 1910-х годов¹⁶. Рахманинов изображен с сосредоточенным выражением лица, в «артистическом» облике — в белой рубашке с модным шнурком, белой бабочке, темном пиджаке. Внизу портрета — гравированное факсимиле Рахманинова, его подпись на немецком языке: «Sergei Rachmaninoff». В правом нижнем углу — факсимиле подписи Штрассера: «W. Strasser. 1912». Портрет напечатан на папиросной бумаге (размер 185 x 253), который наклеен на белый лист тряпичной бумаги (размер 320 x 428). В нижнем правом углу этого листа есть надпись Штрассера карандашом на немецком языке, адресованная П. Л. Вакселю, с датой 15 февраля 1914 года.

С помощью другого документа из собрания Вакселя, который хранится в Отделе рукописей РНБ, удалось уточнить время создания Штрассером офорта. Выявленная неопубликованная записка С. В. Рахманинова к Штрассеру — это единственный в Санкт-Петербурге автограф композитора на иностранном языке¹⁷:

Фото 6. В. Штрассер. Портрет С. В. Рахманинова. 1912 год

«Herrn Strasser. Hiermit erteile ich Ihnen die Erlaubnis das von Ihnen angefertigte Bild verkaufen zu dürfen. Sergei Rachmaninoff.

9 Novemb[er]. 1912».

«Господину Штрассеру. Этим письмом я сообщаю Вам, что сделанная Вами картина может быть продана. Сергей Рахманинов.

9 ноября. 1912».

¹⁵ Российская национальная библиотека. Отдел эстампов (далее — РНБ. ОЭ). Э/ГП 4-Р 273.

¹⁶ См.: [4, 2-я вклейка].

¹⁷ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее — РНБ. ОР). Ф. 124. (Собрание П. Л. Вакселя). № 3589.

Возможно, в связи с продажей портрета в коллекцию Вакселя, Штрассер обратился к Рахманинову, а композитор, в свою очередь, дал свое разрешение, о чем говорится в представленном письме. Таким образом, можно утверждать, что офорт создан не позднее 9 ноября 1912 года.

О Вильгельме Штрассере к настоящему моменту удалось узнать немного. Он был учеником русского гравера М. В. Рундальцева, который исполнил для издательства А. Фельтена серию из шести офортов с известных живописных произведений из собрания Эрмитажа, а также серию, посвященную 200-летию Петербурга. В картотеке каталога Третьяковской галереи есть сведения о выставках работ

Штрассера. Будучи экспонентом Санкт-Петербургского художественного общества, он выставлял свои работы в Петербурге и Москве. В 1913 году представил на выставке портрет С. В. Рахманинова, а в 1914 — свои гравюры с портретов Ц. А. Кюи и М. П. Мусоргского работы И. Е. Репина и Н. А. Римского-Корсакова работы В. А. Серова¹⁸.

Интересна дальнейшая история портрета Рахманинова. На обороте в левом верхнем углу есть надпись рукой неустановленного лица: «Подарок Э. П. Юргенсона (из собрания его дяди г.-л. Вакселя). 3 мая 1919». Действительно, после смерти П. Л. Вакселя (1918) вся коллекция перешла к его приемному сыну, сотруднику Государственной публич-

ной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека), Эрнесту Петровичу Юргенсону. В мае 1919 года Юргенсон подарил портрет неизвестному лицу, и он не вошел в комплекс документов собрания Вакселя, который был передан, согласно описи фонда, в 1919 году в Публичную библиотеку. На обороте можно увидеть также любопытную печать: «Лавка писателей. Цена 15 р[ублей]», то есть в какой-то период офорт был выставлен на продажу. Лишь в 1948 году, согласно описи поступлений в Публичную библиотеку, портрет Рахманинова присоединился к уже хранящейся там коллекции П. Л. Вакселя (правда, попав при этом в соседний отдел), частью которой он когда-то был.

Неопубликованные письма и дарственные надписи

В шести хранилищах Санкт-Петербурга выявлены 15 неизвестных автографов Рахманинова. Эти материалы дают возможность подробнее узнать о некоторых событиях жизни композитора, а также расширить список лиц, с которыми общался Рахманинов.

В Кабинете рукописей Российского института истории искусств (РИИИ) хранятся пять неопубликованных документов. Это четыре письма к Владимиру Эдуардовичу Направнику, секретарю Главной дирекции ИРМО, которые сообщают подробности работы С. В. Рахманинова в Императорском русском музыкальном обществе с 1910 по 1912 годы, и одно письмо к двоюродному брату Александру Ильичу Зилоти личного характера.

В письме от 2 декабря 1910 года¹⁹ Рахманинов пишет В. Э. Направнику о предполагаемой поездке в Саратов 13, 14 или 15 декабря для инспектирования музыкального училища. Эта поездка действительно состоялась, что подтверждается письмом Главной дирекции, которое сохранилось в ЦГИА СПб²⁰. Следующие два документа связаны с работой С. В. Рахманинова над новым Уставом консерваторий ИРМО²¹. Существовавший с 1878 года, он нуждался в дополнениях и

исправлениях. Для этого была создана комиссия, членом которой являлся и Рахманинов.

Наиболее интересный документ — письмо к А. И. Зилоти, из которого мы узнаем, что в имени Ивановка разводили щенков. До сих пор ни в одной из публикаций эпистолярного наследия С. В. Рахманинова, А. К. Глазунова, А. И. Зилоти не было сведений подобного рода²²:

«Милый мой Саша, накануне твоего письма (с заказом на пару щенят для Глазунова) получил письмо от своего управляющего с известием, что моего любимого великолепного пса убили граждане. Таким образом, прием заказов на щенят сим приостанавливается.

Да здравствует свобода!!...

С. Р.

13-е апреля. 1917».

Остальные 13 писем композитора к А. И. Зилоти из фондов РИИИ были опубликованы З. А. Апетян во 2-м томе «Литературного наследия» Рахманинова [12]²³. Видимо, это письмо было исключено по идеологическим причинам. В 1980 году публикация высказывания «Да здравствует свобода!!» в ироническом тоне по отношению к рево-

люционным событиям 1917 года была невозможной. Сейчас уже известно, что Рахманинов не принял сложившейся в России ситуации, и это явилось одной из причин эмиграции композитора. Наиболее остро его отношение высказано в письме к М. И. Альтшулеру от 12 января 1918 года. Привожу цитату, которая выпущена в «Литературном наследии» [12, 104–105] и восставлена Л. А. Скафтымовой: «Что касается России, то даже при Николае II я ощущал большую свободу и дышал более полной грудью, чем теперь. Слово “свобода” звучит насмешкой для настоящей России. Недаром мы бежали в Данию. Чтобы дополнить картину, прибавлю еще, что я все потерял, что нажил»²⁴. Эти строки прямо переключаются с письмом, адресованным А. И. Зилоти.

В двух отделах Российской национальной библиотеки (РНБ) обнаружены семь неизвестных документов — два письма и пять дарственных надписей. В Отделе эстампов — дарственная надпись Рахманинова, адресованная Е. М. Малышевой, воспитательнице внучки Сергея Васильевича — Софьи Волконской²⁵.

Остальные документы хранятся в Отделе рукописей РНБ. В архиве

¹⁸ Сведения любезно предоставлены сотрудником Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки (далее — ГЦММК имени М. И. Глинки) А. А. Наумовым.

¹⁹ Российский институт истории искусств. Кабинет рукописей (далее — РИИИ. КР). Ф. 21. Оп. 3. № 255.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 573. Л. 10.

²¹ РИИИ. КР. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. 122. № 255.

²² Там же. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 18.

²³ Подробнее см.: [12, 69, 71, 73–76, 83, 84, 87, 88, 91, 101–103].

²⁴ Цит. по: [17, 136]. Об отношении Рахманинова к революции см. также: [18, 208–209].

²⁵ РНБ. ОЭ. Фп / 3-Р273.

З. А. Прибытковой (племянницы Рахманинова) есть самое раннее письмо композитора к ней, тогда 11-летней девочке, от 5 ноября 1903 года²⁶. Текст написан на открытке с портретом Рахманинова 1890-х годов. Собрание П. Л. Вакселя содержит краткую запись «На память!» неустановленному лицу²⁷ и записку к Штрассеру (см. выше).

Три дарственных автографа Рахманинова находятся в альбомах. Для М. Н. Каразиной сделана краткая запись даты петербургской премьеры кантаты «Весна»²⁸. У А. Г. и М. К. Максимовых — три первых такта вступления Второй симфонии и дата «24 января 1908»²⁹. Интересно, что 26 января 1908 года состоялось первое исполнение симфонии в зале Мариинского театра под управлением автора. Видимо, мысли о предстоящей премьере сочинения и навели Рахманинова на выбор музыкальной темы. В альбом А. М. Миклашевского³⁰ «Дума за думой» (предназначенном для записей на каждый день календаря) вписаны первые два такта партии левой руки самой знаменитой в то время прелюдии для фортепиано ор. 3 № 2 *cis-moll*³¹. Запись сделана 28 января 1908 года. Примечательно, что этот автограф написан

на странице с датой 20 марта (день рождения композитора по ст. ст.).

Имена владельцев трех альбомов в литературе о Рахманинове не встречаются. Неизвестно, был ли композитор знаком с этими людьми. Можно предположить, что А. М. Миклашевского Рахманинов мог знать по роду его деятельности, в то время как М. Н. Каразина и М. К. Максимова являлись просто почитательницами таланта композитора.

В двух отделах Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТиМИ) выявлены три автографа С. В. Рахманинова. В Отделе рукописей обнаружено благодарственное письмо композитора в Дирекцию ИРМО от 23 февраля 1910 года³², содержание которого позволяет узнать о новом факте биографии великого музыканта — присуждении ему звания почетного члена Санкт-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества.

В Отделе фото СПбГМТиМИ находятся две дарственные надписи на фотопортретах Рахманинова, адресованные разным людям, обе относящиеся к 1928 году. Рахманинов из Нью-Йорка послал племяннице З. А. Прибытковой свой портрет с надписью: «Зое, от ста-

рого Деда. 1928»³³. Известно, что в 1925 году у старшей дочери композитора Ирины родилась дочь Софья, внучка Сергея Васильевича. Обладая тонким чувством юмора, композитор, таким образом, подшутил над своим возрастом.

Вторая надпись адресована Ф. И. Шаляпину и его второй жене. Композитор написал: «Марье Валентиновне Шаляпиной и замечательному, удивительному Феде: Черноземной силище! С. Рахманинов. 6 апр[еля]. 1928. Нью-Йорк»³⁴. В это время Шаляпин был в Америке с гастролями. 4 апреля состоялось его выступление в Метрополитен-опера в спектакле Ш. Гуно «Фауст». Надпись на портрете позволяет установить дату одного письма Шаляпина к Рахманинову, которое находится в Библиотеке Конгресса США. Письмо опубликовано в 3-м томе «Литературного наследия» без указания года. «<...> Марья всем кланяется и говорит, что у тебя есть сейчас хорошие фотографии (ей сказала твоя Наталья). Пришли. У нас нет — а было бы радостно» [13, 422], — пишет Шаляпин. Видимо, хранящийся в музее портрет и был послан певцу. Следовательно, можно установить, что письмо было написано в 1928 году.

К музыкальной «родословной» С. В. Рахманинова: композитор Аркадий Александрович Рахманинов (1808–1881)

О фактах биографии деда Сергея Васильевича — Аркадия Александровича Рахманинова (1808–1881) в настоящее время известно очень немного. С внешней стороны жизнь его прошла по образцу, типичному для дворян того времени: военная служба, отставка, пребывание в родовом имении Знаменское Тамбовской губернии, эпизодические приезды в Петербург и Москву. Но его личность привлекает, прежде всего, дарованием музыканта. Даже в столичных кругах его знали как композитора и пианиста-любителя. Игру Аркадия Александровича случалось расхваливать газетам, когда он выступал в Тамбове и не-

скольких соседних городах в благотворительных концертах [23, 268]. Самое веское свидетельство о высоком уровне пианистического мастерства А. А. Рахманинова исходит от А. И. Зилоти, который мог слышать игру своего деда, уже будучи блестящим выпускником Московской консерватории по классу фортепиано. По отзыву внука, А. А. Рахманинов даже в глубокой старости играл «очень хорошо, без скидки на провинциальное музицирование» [11, 407].

Однако Аркадий Рахманинов не только прекрасно играл на рояле, но и сочинял. Несмотря на то, что он причислял себя к дилетантам, его

музыка была весьма популярна в великосветских салонах обеих столиц. Среди написанных Рахманиновым произведений — романсы и фортепианные пьесы, точное число которых неизвестно.

В. Н. Брянцева в своей монографии называет 11 произведений А. А. Рахманинова — семь романсов, три вокальных дуэта и одну пьесу для фортепиано в четыре руки [3, 7]. Благодаря найденным к настоящему времени в разных хранилищах Санкт-Петербурга сочинениям А. А. Рахманинова, этот список увеличился. В Отделе нотных изданий и звукозаписей РНБ хранятся печатные издания нескольких

²⁶ РНБ. ОР. Ф. 1002. № 8. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. 124. № 3588.

²⁸ РНБ. ОР. Ф. 1000. Оп. 4. № 116. Л. 47 об.

²⁹ Там же. Ф. 459. Ед. хр. 2. № 73. Л. 80.

³⁰ Миклашевский Александр Михайлович (1869–1935) — профессор по классу фортепиано Петербургской консерватории в период с 1894 по 1925 годы.

³¹ РНБ. ОР. Ф. 1000. Пост. 1979. 14. Л. 39.

³² Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства (далее — СПбГМТиМИ). Отдел рукописей. Ф. 256. Главная инвентарная книга (ГИК) 20785/131. Л. 1.

³³ СПбГМТиМИ. Отдел фото (далее — ОФ). ГИК. 15006/20.

³⁴ Там же. ГИК. 16909/3 (ОФ. 214554).

романсов А. А. Рахманинова: «Когда б он знал!» (М.: Юргенсон, 1881), «Ты скоро меня позабудешь» (СПб: Габлер, 1849; М.: Юргенсон, 1881), «Глаза» (СПб: Бернгард, 1856; М., 1900), «Проторила я дорожку» (М.: Грессер, 1863), «Сон» (М.: Грессер, 1863), «Темнорусая головка!» (М.: Юргенсон, 1873; М.: Юргенсон, 1881). К этому списку можно добавить названия, которые указывает В. Н. Брянцева, основываясь на материалах Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ГЦММК) (все эти сочинения представлены автографами): романсы «Таракан», «Вечерний звон», «Где ты, звездочка» и «Прощальный галоп 1869-му году» для фортепиано в четыре руки [3, 5–7]. В путеводителе по фондам ГЦММК есть указание на автограф романса «Соня» [2, 73]³⁵ для голоса с фортепиано, который не назван в приведенном выше издании, но, наверняка, входит в указанное число романсов. Как видно, произведения А. А. Рахманинова печатались в обеих столицах, у разных издателей, некоторые даже переиздавались после смерти, что свидетельствует об их популярности.

В двух архивах Санкт-Петербурга удалось обнаружить еще три неизвестных исследователям романса Аркадия Рахманинова. Выявленные рукописи представляют собой автографы композитора. Это установлено на основании изучения нотного почерка трех романсов, а также стихотворного текста, написанного рукой автора. В атрибутировании были использованы письма А. А. Рахманинова (см. далее). Характерное написание отдельных букв, имеющее место во всех указанных автографах, позволило сделать вывод о принадлежности их одному лицу.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории (НИОР НМБ СПбГК) находятся «Шалунья дитя!» (ор. 60)³⁶ на слова П. И. Вейнберга и «Как сладко с тобою мне быть» (ор. 71)³⁷ на слова П. П. Рындина. В Отделе рукописей РНБ в фонде Н. Ф. Финдейзена хранится романс

Фото 7. А. А. Рахманинов. Как сладко с тобою мне быть! (титульный лист) НИОР НМБ СПбГК. № 6216

«Скучно!» («Дума», ор. 87)³⁸ на слова И. П. Мятлева. Сведения об изданиях этих произведений отсутствуют. Все три романса написаны на двойных нотных листах черными чернилами. На титулах обозначено место сочинения — «Знаменское».

На первых листах романсов из НИОР НМБ СПбГК написаны и даты сочинения: «Шалунья дитя» — 1857 год, «Как сладко с тобою мне быть» — 1858 год; в правых верхних углах есть штампы ИРМО (овальная печать фиолетового цвета) (фото 5). С этими сочинениями связаны и обнаруженные, неизвестные до сих пор, письма А. А. Рахманинова. Они хранятся в фонде 408 ЦГИА СПб. Это автографы композитора, которые сейчас представляются исследователям в виде микрофильмов. Письмо А. А. Рахманинова за июль 1860 года³⁹, адресованное Матв. Ю. Вильегорскому, содержит важные биографические сведения об А. А. Рахманинове, в частности, о его общении с известными столичными музыкантами, а также о посещении их музыкальных вечеров. С другой стороны, есть сведения о композиторском творчестве Аркадия Александровича. Он пишет об издании романса «Вечер-

ний звон», осуществленного приблизительно в 1840 году. Другие два романса, упоминаемые в письме как посланные в ИРМО, скорее всего, соответствуют автографам А. А. Рахманинова, найденным в НИОР НМБ СПбГК, так как оба романса («Шалунья дитя!» и «Как сладко с тобою мне быть») отмечены штампом ИРМО и не возвращены обратно автору. Авторские даты сочинений (1857 и 1858 годы) также подтверждают этот факт.

Дирекция ИРМО не удовлетворилась этими сочинениями композитора. На первом листе письма, в левом верхнем углу, имеется запись рукой неустановленного лица (возможно, одного из директоров ИРМО): «Романсы найденны неудобными к исполнению; положено просить прислать что-либо посерьезнее и сообразнее с назначением. 26 сент[ября] 1860». Таким образом, произведения были отвергнуты. Об этом сообщается и в письме от 7 октября 1860 года, посланном А. А. Рахманинову Дирекцией ИРМО⁴⁰. Сохранился ответ А. А. Рахманинова от 11 ноября 1860 г[ода], адресованный Дмитрию Васильевичу Стасову⁴¹, а также отпуск ответного письма Дирекции от 21 ноября 1860 года⁴².

³⁵ ГЦММК. Ф. 18. Ед. хр. 328. Л. 27–28 (шифр указан А. В. Комаровым).

³⁶ СПбГК. Научная музыкальная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. № 6215.

³⁷ Там же. № 6216. Отмечу, что этот романс был написан А. А. Рахманиновым на текст П. П. Рындина, который ранее использовал М. И. Глинка.

³⁸ РНБ. ОР. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3006.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–25 об.

⁴⁰ Там же. Л. 31–32 об.

⁴¹ Там же. Л. 42–44 об.

⁴² Там же. Л. 50–51.

Внимание А. А. Рахманинова к жанру романса не является случайным: в первой половине и середине XIX века это был самый распространенный вид творчества. Искусство дилетантов успешно существовало рядом с сочинениями выдающихся композиторов. Их сочинения публиковались, исполнялись, составляя в целом важный пласт музыкальной культуры эпохи. Стилетика романсов А. А. Рахманинова и выбор им поэтических текстов традиционны. Это стихотворения популярных поэтов того времени — А. Н. Плещеева, А. В. Кольцова,

Н. П. Грекова, Е. П. Растопчиной, Ю. В. Жадовской. Любопытно отметить, что на тексты двух романсов А. А. Рахманинова в дальнейшем напишут свои вокальные сочинения М. П. Мусоргский («Где ты, звездочка», сл. Н. П. Грекова) и великий внук композитора, С. В. Рахманинов («Сон», сл. А. Н. Плещеева).

В заключение зададим вопрос — был ли С. В. Рахманинов знаком со своим талантливым дедом? По воспоминаниям известно, что в детстве произошла одна такая встреча: «Однажды, когда Сережа был еще маленьким мальчиком, приехал в

Онег его дед — Аркадий Александрович Рахманинов. Он сел с внуком играть в четыре руки сонату Бетховена. Играли они с увлечением; когда кончили сонату, дед с радостью и гордостью повернулся к внуку. В это время открылась дверь и вошла бывшая кормилица Сережи, местная крестьянка. Она пришла просить возсолумы на починку крыши своей избы. — Ты заслужила много больше за то, что выкормила мне такого внука, — сказал дед женщине» [20, 116]. Это свидание двух музыкантов-композиторов Рахманиновых, возможно, оказалось единственным.

* * *

Итак, в настоящей статье представлен комплекс разнообразных материалов из шести хранилищ Санкт-Петербурга. Особое значение из новонайденных источников имеют авторские исправления в печатной партитуре кантаты «Весна». Обнаружение нового варианта окончания произведения дает возможность включения его в издательскую и исполнительскую практику. Благодаря другим документам, стали известны новые страницы жизни и творчества Рахманинова, удалось расширить круг лиц, окружавших композитора, а

ряд фактов дополнить интересными штрихами. Большую ценность имеют не только эпистолярные автографы Рахманинова, но и материалы разных лиц и учреждений, связанные с его биографией, что дало возможность полнее узнать об учебе Рахманинова в стенах Петербургской консерватории и деятельности в ИРМО. Также выявлены изобразительные источники и документы, освещающие его «музыкальную родословную».

Исследование творческой биографии Сергея Рахманинова в XXI веке остается востребованным и

актуальным. Работа, проведенная в архивах Санкт-Петербурга, позволяет сделать вывод, что в научный оборот введены еще далеко не все документы Рахманинова. Они ждут своего выявления и изучения, как в российских архивах, так и в зарубежных⁴³. Очевидна необходимость дальнейшего поиска источников и новых научных изданий музыкального и литературного наследия великого русского композитора, пианиста, дирижера Сергея Васильевича Рахманинова — ученика Петербургской консерватории.

Список литературы

1. А. И. Зилоти: Воспоминания и письма / Ред. Л. Н. Раабен. — Л., 1963.
2. Автографы С. В. Рахманинова в фондах Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки: Каталог-справочник / Сост. Е. Е. Бортникова, Ф. А. Красинская, М. Г. Рыцарева. — М., 1980.
3. **Брянцева В. Н.** С. В. Рахманинов. — М., 1976.
4. Воспоминания о Рахманинове. В 2-х т. / Ред.-сост. З. А. Апетян. Т. 1. — М., 1988.
5. **Климовицкий А. И.** Игорь Стравинский. Инструментовки: «Песнь о блохе» М. Мусоргского, «Песнь о блохе» Л. Бетховена. — СПб, 2003.
6. **Климовицкий А. И.** Неожиданные сюжеты петербургской шенбергианы // Три века Петербурга: музыкальные страницы: Сб. ст. и тезисов / Ред.-сост. З. М. Гусейнова. — СПб, 2003. — С. 148–180.
7. **Майкапар С. М.** Годы учения. — М.; Л., 1938.
8. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1882/1883 год. — СПб, 1883.
9. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1883/1884 год. — СПб, 1884.
10. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1884/1885 год. — СПб, 1885.
11. **Прибыткова З. А.** Воспоминания о А. И. Зилоти // А. И. Зилоти: Воспоминания и письма. — Л., 1963. — С. 405–441.
12. **Рахманинов С. В.** Литературное наследие / Ред.-сост. З. А. Апетян. В 3-х томах. Т. 2. — М., 1980.
13. **Рахманинов С. В.** Литературное наследие / Ред.-сост. З. А. Апетян. В 3-х томах. Т. 3. — М., 1980.
14. Русские музыкальные архивы за рубежом: Справочник / Сост. И. В. Брежнева, Г. М. Малинина. — М., 2004.
15. **Сваны А. Дж. и Е.** Воспоминания о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове / Ред.-сост. З. А. Апетян. Т. 2. — М., 1988. — С. 184–215.
16. **Скафтымова Л. А.** Вокально-симфоническое творчество С. В. Рахманинова и русская музыкальная кантата начала XX века. — СПб, 1998.
17. **Скафтымова Л. А.** О Модесте Альтшулере (Штрихи к биографии Рахманинова) // Петербургский музыкальный архив. Вып. 1. — СПб, 1997. — С. 133–138.
18. **Скафтымова Л. А.** Поздний период творчества Рахманинова: к проблеме эволюции музыкального мышления // Памяти Михаила Кесаревича Михайлова: Сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения (1904–2004). — СПб, 2005. — С. 205–217.
19. **Слонимский С. М.** Последний романтик // Грань веков: Рахманинов и его современники: Сб. ст. / Ред.-сост. Т. А. Хопрова, Л. А. Скафтымова. — СПб, 2003. — С. 7–10.
20. **Трубникова А. А.** Сергей Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове. Т. 1. — М., 1988. — С. 116–145.
21. **Шалыпин Ф. И.** Литературное наследство. Т. 3. / Ред.-сост. Е. А. Грошева. — М., 1979.
22. Русская музыкальная газета. — 1905. № 3–4.
23. Санкт-Петербургские ведомости. — 1834. 24 марта.

Периодическая печать

⁴³ Предварительное изучение справочников позволяет утверждать, что в целом ряде архивов есть неучтенные в трехтомном «Литературном наследии» письма С. В. Рахманинова (Театральный музей Кельна, Музей Я. Сибелиуса в Турку, Университетская библиотека Хельсинки, Британская библиотека Лондона, Вестминстерская библиотека Лондона, Государственная библиотека Берлина и другие). См.: [14, 20–22, 28, 30, 32, 53–54].